

Клавье Рукас должен был признать, что у него есть справедливая доля несправедливости и прав; но никогда в жизни он не думал, что будет бояться своей грядущей смерти. С тех пор как скончался его сын, он знал, что этот день в конце концов наступит, но он не ожидал, что почувствует такую печаль или муки от смерти в руках своих родных. Несмотря на то, что наступил судьбоносный день, он хотел перейти на другую сторону со своим любимым сокровищем.

Переезжать в Коноху было нелегко, но переезжать И содержать рояль было намного труднее, чем пересекать границы и взбираться в горы. Это было, по сути, немного его вины за то, что он отказался поставить проклятое пианино в печать хранилища, потому что так он очень любил пианино.

И это было не просто обычное пианино.

Хотя проживание в прошлом не очень хорошо, Клавьер вспомнил события, произошедшие за несколько часов до этого: встреча с добрыми шиноби, которые приняли его маленькую просьбу переставить фортепиано на открытое поле, и чтобы они стали свидетелями его последнего выступления только для того, чтобы вспомнить свои старые времена с родными, и встреча с кем-то, кто любит музыку так же сильно, как он любит.

Конечно, у старика могли быть ржавые чувства, но единственное, что он действительно хорошо умеет - смотреть в глаза людям, чтобы узнать, кто они есть, - определенно заставило его найти кого-то, кого, как он думал, он никогда больше не увидит в своей временной линии. Молодой серебристо-волосый ребенок превзошел все его ожидания.

Увлеченные глаза Клавье не игнорировали это.

Казалось бы, невинное лицо, наклеенное на голову мальчика, действительно скрывало то, как выглядели его глаза. Мальчик жалел фортепиано. Пианино. Более того, эти глаза говорят иначе о том, как невинно он мог выглядеть; опять же, эти глаза не должны выглядеть так, как будто они прошли через ад и обратно.

Старик очень хотел подойти к молодому мальчику, но сделать это сейчас было бы немного неудобно. Он колебался в этот момент. Он не хотел задерживаться в памяти ребенка, зная, что это будет его последний день.

Но это было слишком хорошо, чтобы отказаться. Поэтому, когда появилась возможность, он подошел к ребенку, когда их группа решила поехать с ними... и он был прав; у ребенка есть сердце для западных инструментов. Это скорее утешает, чем его старый клан, другой человек восхищается необычным инструментом.

Когда он пригласил маленького ребенка побыть с ним, он не мог смириться с тем, что ребенок напоминает ему о собственном сыне. Несмотря на то, что они отличаются друг от друга по внешнему виду, их страсть к музыке, безусловно, проникла сквозь крышу. Он не подумал дважды и играл, желательно последнюю пьесу, на пианино, надеясь, что ребенок будет

приглашен на игру под мелодию.

К его удивлению, ребенок был совершенно естественным. Маленький мальчик играл необыкновенно для своего юного возраста. Честно говоря, это было захватывающе. Он не хотел сомневаться в том, что ребенок заранее только угадывал ноты, чтобы играть, или же он знал пьесу с самого начала.

Клавье был соблазн сидеть и смотреть, как играет ребенок. Маленькие руки малыша двигались как профессионал. Его закрытые глаза выдавали, что он уверен в пьесе, не сомневаясь в себе, чтобы не ошибиться.

Было почти стыдно, когда их дуэт закончился.

Он никогда не думал, что что-то, или кто-то, сможет заставить его хотеть сбить его со следа смерти. Он понял, что сейчас боится смерти больше, чем кто-либо другой. Он хотел сказать им хоть слово, намекнуть им что-то; он знал, что этот день настанет, но почему он вдруг почувствовал страх? Немного сожаления, потому что он хотел, чтобы серебрясто-волосый мальчик рос со зрителями, наблюдая за тем, как он играет на пианино.

Потом, вот так, они пришли и ушли в мгновение ока; его смерть приближается.

Получение сообщения о том, что ты умрешь в день рождения своего обдуманного умершего сына, от члена клана Нуйда, контролируемого разумом, было довольно тревожным, особенно когда глаза этого Нуйда смотрят вглубь твоей души - очень жутким образом, добавляя тот факт, что их глаза уже казались пустыми.

Клавир, поначалу, не боялся этого сообщения, зная, кому принадлежит письмо, но, поскольку дни шли и шли в довольно быстром темпе, он действительно не мог сидеть на месте. Это было страшно, зная, когда ты, возможно, умрешь.

Увы, наступил день, человек, который заставил Клавьера ждать, обменявшись несколькими невысказанными словами. Он сам знал, что этот день означает день, когда над Хай но Куни появится ужасная сила, потому что...

...он знал своего сына больше, чем кто-либо другой.

Причина? Ксавье сделал бы все, что угодно, чтобы получить то, что он хочет - даже уничтожил деревню, которая их когда-то забрала. Хотя Клавье точно не знал, чего хочет его сын, если он будет использовать Кеккей Генкай их клана, контролировать сознание с помощью любого музыкального носителя, но, судя по тому, как Ксавье ненавидел его кишки, есть только одна причина.

Он не хочет вспоминать, но память продолжает преследовать его. Он никогда не хотел, чтобы

его сын увидел ужасную ошибку, которую он совершил, но его сын был свидетелем каждой ошибки, которую он сделал. Имел смысл только то, что его сын прочесал всю деревню, чтобы найти, где он прячется, ибо то, что он сделал, было непростительно.

Он сожалел об этом. Его жена умерла от его собственных рук четыре года назад, и хуже всего то, что Ксавье был там. Он был свидетелем всего.

Клавье хотел говорить, но его марионеточное тело не отвечало. Он был ранен, но он понимал, что Ксавьер был более чем ранен, потому что то, что его глаза сказали ему, было незабываемым, видеть, как его собственный отец убивает свою мать и своих родных.

Ксавьер заболел, и Клавьеру пришлось перевезти его через границу, чтобы сбежать в Коноху; чтобы сбежать от этого человека, хотя он не был уверен, называть ли его мужчиной или маленьким мальчиком. Конечно, его сын воспринял это с болью и начал использовать музыку, чтобы рассказывать нерассказанные истории в сознании прохожих. Вскоре Хавьер пропал без вести, и после нескольких дней, месяцев и лет поисков его нигде не нашли и считали мертвым.

Теперь, когда его охватил теплый огонь, человек в маске, его сын, укусил его за губы, когда он повернулся и ушел со сцены, прежде чем сделать паузу, как мелодия достигла его ушей. Клавьер начал играть на пианино, глядя на грустные, теплые глаза своего сына.

"Ты знал правду... но все равно отдал себя на служение тому самому человеку, который убил твоего любимого родственника". Старик подумал, послав ему улыбку и произнеся теплое предложение: "Но я все еще люблю тебя".

Ксавье медленно увядал в пыли, как старик был поглощен бушующим пламенем, его слезы незамеченными, так как он был за его белой маской, которая вскоре была оставлена там, чтобы быть его след.

Все, что Клавье хотел, это обнять сына в последний раз, но это не произойдет в ближайшее время, кажется. Он хотел извиниться за то, что был слабым... он хотел искренне извиниться. У него была своя доля сожалений, но наблюдать, как его сын встал на неправильный путь, было еще хуже.

"Мне... жаль..." Какаши повесил голову низко, "Я принесла тебе такие плохие новости сегодня рано утром".

Мы с Карасу-нийсан молчали после того, как чучело пролило бобы, которые он хранил с начала полуночи. Казалось, что вчера мы ушли слишком рано, оставив старика Клавье наедине со своим любимым роялем, сжигающим пианино.

До сих пор неясно, сжег ли старик себя, или кто-то сделал это с ним. Последний, я бы сказал, по нескольким заостренным причинам - Какаши сказал нам, что старик умел управлять только музыкальной джуцу (благодаря своей родословной), а не гневным пламенем, и у него до сих пор есть свой "список ведер", который предстоит выполнить - но который не будет закончен в ближайшее время.

"Казалось, что они оба наконец-то достигли заслуженного отдыха - пианино и Рукас-сан, я имею в виду". Мне потребовалось много усилий, чтобы не сделать двойной дубль на человека, который редко говорит. Так вот как ворона отдает дань уважения мертвым?

Пугало медленно кивнуло.

Я просто свистнул и заправил губы в тонкую линию, нейтрально относясь к новостям, которые принес нам дядя. "Это... прискорбно..." Я поцарапал затылок, заставив дядю поднять брови, наверное, думая, почему я так отреагировал. "По крайней мере, я хорошо запомнил его до инцидента. Кажется, ему понравился мой дуэт". Я улыбнулась.

Какаши и Карасу-нии направили свой взгляд на меня, прежде чем раскрыть свою улыбку глазами. "Глядя на светлую сторону, да?" Дядя улыбнулся и взъерошил мои волосы: "Успокоившись, я прав, мой милый маленький племянник? Хоть у меня и осталось много вопросов по поводу твоих музыкальных способностей, но это побережет на потом".

Я вспотел от имени, которое он мне назвал, но не привык к "моему милому маленькому племяннику", вроде "-куна", который я абсолютно ненавижу изнутри, но все равно предпочитаю не говорить об этом.

"А пока мы позволим военной полиции Конохи разобраться со смертью господина Клавье". Какаши извинительным взглядом объяснил, что перед тем, как пройти мимо и Карасу-ни, и меня, он вдруг остановился, заставив нас обоих обратиться к нему: "У тебя есть весь этот день, чтобы тренироваться, или что-то вроде того, но твоя главная задача, Ори-кун, - получить маску Карасу".

"А?" Мы с Карасу-нии оба моргнули.

Прежде чем он успел куда-нибудь уйти, мой дядя отдал честь: "И можешь начинать прямо сейчас".

"Он уезжает... вот так?" Я никого не спрашивал. "Ну и зануда." Я вздохнул, медленно смотрел на АНБЮ рядом со мной.

Какаши часто уезжал, не сказав ни слова о своих обязанностях капитана АНБУ. Он ни разу не дал нам заданий перед отъездом, если только не знал, что уйдет надолго. На этот раз, я уверен, случилось что-то срочное, что означало, что Хатакэ играет важную роль в "срочном деле".

Может быть, недавнее дело?

"Итак..." Я улыбнулась, когда очистила свои мысли, позволив скрытому кунаю упасть с моих рукавов, прежде чем щелкнуть их в сторону упомянутой вороны. Но перед тем, как пропустить через него проводной кунай, он уже ушёл.

Ономатопея в его точной точке.

"Ни за что." Голос ворона эхом прозвучал по всему 13-му тренировочному полю.

Я сузил глаза, заострял чувства, пытаюсь найти, на каком дереве сидела птица. "Это будет немного тяжело..." Я подумал, внезапно почувствовав быстрый холод у меня за спиной, как будто кто-то наблюдал за мной в стороне от Карасу-ни, заставляя меня смотреть куда угодно.

"Почему я чувствую, что что-то определенно будет не так?"

Какаси появился прямо возле здания военной полиции Конаха, следственного изолятора, где все главы кланов встречались для обсуждения текущих вопросов. Похоже, Хокаге тоже был там.

Причина, по которой он внезапно исчез, заключается в его участии в расследовании дела "Белая маска". Казалось, что когда они нацелились на его любимого племянника, он был готов взяться за это дело. Хотя им понадобилось немного времени, чтобы копнуть глубже, но теперь появилась важная подсказка, которая дала им пролить свет на то, что им нужно, чтобы закончить расследование.

Лениво вытолкнув дверь, он был встречен острыми взглядами и любезностью серьезных клановых голов. Он просто покачал головой, чтобы поприветствовать их, и пошел на пустое место рядом с Хокаге, который дал ему вопросительный взгляд. Он вернул ему извиняющуюся улыбку.

Кто-то кашлял.

"...Как я уже сказал, чтобы Какаси услышал - он ОЧЕНЬ рано, - сурово сказал Фугаку из Учихи, - рядом с обгоревшим участком была найдена маска. Чистая маска, которую мы знали по ранним случаям, похоже, была связана с этой", - показал он фотографию выгравированной маски.

"На них выгравированы музыкальные ноты, хотя мы до сих пор не знаем, имеет ли она какое-либо значение. Команда работает над расшифровкой, есть ли смысл в выгравированных нотах или нет, но так как никто не является экспертом в области музыки, это займет некоторое

время". Иноичи шагнул вперед, пролистывая свой планшет.

"Несмотря на то, что преступник нападал только на детей основных семей, или на детей тех, кто был близок к основной ветви, используя прежде подконтрольных разуму членов наших кланов, дела из прошлого обязательно связаны с этим". Господин Клавье принадлежал к "этому" клану." Клановая голова Учихи сложила руки: "Эта информация до сих пор не дошла до ушей общественности, так как может подняться паника, но слухи могут быстро распространиться".

Какаши наблюдал за залом заседаний, когда он упал в тишину. Хиаши из Хьюги наблюдал вместе с ним.

"У господина Клавье есть живые родственники?" спросил глава клана акимичей, наклонив голову в сторону.

"К сожалению, - сделал Шикаку шаг вперед, - живых членов клана Рукас неизвестно. Эти музыканты были уничтожены собственными родственниками - война между ними. Только господину Клавьеру и его сыну Ксавьеру удалось вовремя перевестись в Коноху, чтобы спасти умирающих себя".

В то же время, люди, находящиеся в комнате, перенесли свой взгляд на Хокаге.

"Да, я действительно взял их много лет назад." Хокаге вздохнул с неба, отвечая на их очевидный вопрос: "Единственные люди, которые знали об этом раньше, это Дандзо и Сикаку-кун - для Клавьера и его сына - защита и анонимность".

Фугаку воздержался от повешения рта, чтобы остановить его вспышку. Вместо этого он спокойно положил руку на лицо и вздохнул: "Довольно важная часть расследования раскрыта. Спасибо". Хокадж только улыбнулся ему.

Хьюга кашлянул: "А сын? Полагаю, он уже умер, судя по тому, как вы нам сказали, что этот старик - единственный известный живой Рукас в Стране Огня".

"Его сын считался мертвым, - сузил глаза Хокаге, подчеркнув использованное им прошедшее время, - но так как мы поболтали на этой территории, у меня слабое чувство, что он связан со всеми этими отвратительными поступками". Единственный клан, которого я знаю, который может справиться с областью контроля разума, кроме клана Яманака, определенно Рукас. Музыка, которую разум контролировал жертв перед тем, как попасть в их, ну, контролируемое сознанием состояние, также является очевидным ключом к разгадке, так как упомянутый клан обожает музыку".

Какаси был похож на Хокаге под своей маской. Взглянув на фотографию белой маски, он позаботился о том, чтобы запомнить все символы, видя, что у него действительно может возникнуть ощущение, что кто-то из его знакомых может взломать это дело - тема, в конце

концов, музыка".

Его племянник определенно заинтересовался этой областью. Кто бы мог подумать, что его племянник может играть на инструменте? Этот ребенок, насколько он знает, не ускользнул от своего взгляда, так как же ему удалось тайком провести время, чтобы попрактиковаться? Ему определенно нужно спросить об этом в ближайшее время.

Вообще-то, Какаша может запомнить следы? Там более семидесяти музыкальных нот. Он может просто попросить письменную копию прямо у кого-нибудь из них. У него нет фотографической памяти, как некоторые думают - у него просто хорошая память, ничего больше, ничего меньше.

"В любом случае, - вздохнул Фугаку, - мы также нашли это из кармана покойного, - он поднял пластиковый пакет, в котором было что-то, что чуть не сгорело, - что-то вроде кулона". Он действует как свиток для хранения, только для работы ему нужна специфическая чакра". Видя, что у нас есть идея, кто может открыть это - обычное дело, люди, мы не откроем это, пока не поймем сына Клавье-сан".

"Итак, наш главный приоритет на данный момент, - сказал глава Нары, - держать это подальше от публики, насколько это возможно, так как в наши дни слухи быстро распространяются, и, конечно, поймать сына Рукаса Клавьера, Рукаса Ксавьера". Затем он прочистил горло, поскользнувшись, взглянул на единственного Хатаке внутри комнаты.

"Я буду посылать группы, желательно из сети ANBU, так как они идеально подходят для этой работы, чтобы остановить распространение слухов, разведать больше, что мы предполагали, контролировать пострадавших и собрать как можно больше информации". Группы джунинов будут необходимы и по очевидным причинам.

Консультации с людьми, интересующимися музыкальной областью, определённо будут в списке приоритетов, так что если кто-то из вас есть, или знает людей, которые знают это место, определённо будут приглашены, чтобы взять письменную копию кода - просто спросите у людей, возглавляющих Cipher Unit, которых Иноичи будет информировать". Строгими словами Нары Яманака кивнул и быстро проинформировал людей из упомянутого подразделения, используя способности своего клана.

Это было удобно". Какаси подумал, не забыв зайти в подразделение шифрования, чтобы получить копию.

Честно говоря, встреча определенно была скучной для Какаша. Он только и делал, что слушал интересные вещи, и был так близок к тому, чтобы достать определенную оранжевую книгу из сумки, чтобы облегчить определённую скуку. Единственное, что поддерживало его в здравом уме на данный момент, это умение получить копию кода для своего племянника.

Несколько мучительных часов спустя, встреча, наконец, закончилась, положив конец скуке Какаша. На самом деле он выбежал, почти забыв о том, о чём постоянно напоминал себе.

Зайдя в здание шифровального подразделения, он был встречен приветственным взглядом людей за очками. Он попросил копию, и один из агентов Шифров улыбнулся ему.

"О? У тебя есть идея, как взломать это определение мигрени?" Агент спросил с сарказмом, вручая ему клочок бумаги, пытаясь разжечь перед ним анбу.

Какаши свистел, улыбаясь за маской. Каким-то образом, можно на самом деле "увидеть" его улыбку - его вибрация буквально выдала это. "Я знаю кое-кого, кто мог бы помочь". Он может сделать мне сюрприз еще раз, он полон сюрпризов, правда." Какаши сказал агенту правду, его тон полон гордости за любимого племянника.

Может, это и не похоже на него, но Какаши из тех людей, которые ставят безопасность своих возлюбленных превыше всего - после того, как он усвоил урок. В конце концов, в мире ниндзя те, кто нарушает правила, - подонки, что очень верно, но те, кто бросает своих друзей и семьи, хуже подонков.

После короткого прощания, он вышел из здания, ветер отрывает бумагу от его рук. Он быстро побежал за ним и поймал его, получив в результате небольшой разрез бумаги. Он сузил глаза, плохое предчувствие умыло его. Почему я..." его вырвало, как внезапная волна сигнала чакры лопнула возле тренировочного полигона №13, где он покинул Орион и Карасу.

Он узнал повторяющиеся всплески сигнала чакры в виде трех длинных всплесков между двумя тремя короткими (... ---...). "Блядь". Он мог проклинать только тогда, когда распознал сигнал бедствия, пробегая через быструю печать, а затем быстро появляясь в ближнем радиусе сигнала бедствия.

Разоблаченный, почти неузнаваемый Карасу лежал, кровь разбрызгивалась вокруг него, а источник представлял собой отверстие, пробитое в правой груди. Он был жив, едва. Если бы не маска ворона рядом с ним, Какаси не узнал бы его.

Увидев своего подчиненного, единственное, что сейчас у него в голове - это безопасность племянника.

Какаси ударил его головой вправо после того, как услышал хныканье, доносящееся с расстояния в метр. Вид Ориона в руках человека в кровавой белой маске определенно закипел его кровью.

С кунаем в руках он хлопнул рукой по шее нападавшего на него подчиненного и племянника, протолкнув его через несколько деревьев, а затем крепко остановился на валуне.

"Отъебись от Ориона".